

Незадолго до Нового года в Москве выбирали местечковых депутатов, и Дмитрий Харатьян всю старался на благо одного из них — пел под гитарку, пританцовывал. «А ты что думал? — сказал он мне после «шоу». — Чем еще может зарабатывать актер?» Согласившись с тем, что артисту, кроме выступлений по кинотеатрам на окраине города, заниматься, как правило, нечем, я склонил Дмитрия уединиться.

Из меня сделали козла отпущения

— Ты не чувствуешь ностальгии по тем временам, когда снимали тебя чаще и, что таить, — ты был куда популярней.

— Я ностальгирую чаще не по работам, а по тому времени, когда я был молод. Мир для меня был более открыт и радостен. С годами эти чувства притупляются, уходят...

— Вспомни начало 90-х: бесконечные рейтинги в журналах и газетах: Харатьян, Жи-

гунов, Шевельков. Правда, у меня все в жизни идет волнами: от «Розыгрыша» до «Зеленого фургона», от «Зеленого фургона» до «Гардемаринов». У меня есть интуиция — правда, глубоко скрытая. Поэтому я не потерял веру и надежду: придет мое время.

— Интересно, кино сделало тебя хотя бы материально обеспеченным человеком?

— Мне достаточно того, что имею. По сравнению с банкирами и «новыми русскими» я нищий. По сравнению с кем-то, может, и живу богато, правда, при этом имею и долги — в связи с новой квартирой, ремонтом, в связи с тем, что разбил две машины — свою и чужую...

Он пошел своей дорогой и достиг, чего хотел — сделал прекрасную карьеру, запустил кучу сериалов. Он талантливый, сильный человек — какую мощь надо иметь, чтобы такую гору свернуть. Все. Больше о Сереже ни слова.

— Ладно. Пресса создавала из тебя образ положительного героя: вот он, один воспитывает дочь. Трогательно!

— Это все вранье! Меня делала пресса. Нашли такого козла отпущения и начали раздувать его достоинства, напроочь забыв о недостатках. О недостатках вспомнили гораз-

довожу себя до испуга, беспредела. Мне это категорически противопоказано: я очень ранимый человек, с тонкой психикой. В последнее время, конечно, стал погрубее, но эта черта характера осталась. Тонкая психика — у всех артистов, даже если они себя, как я, артистами и не считают.

— Ты не артист!

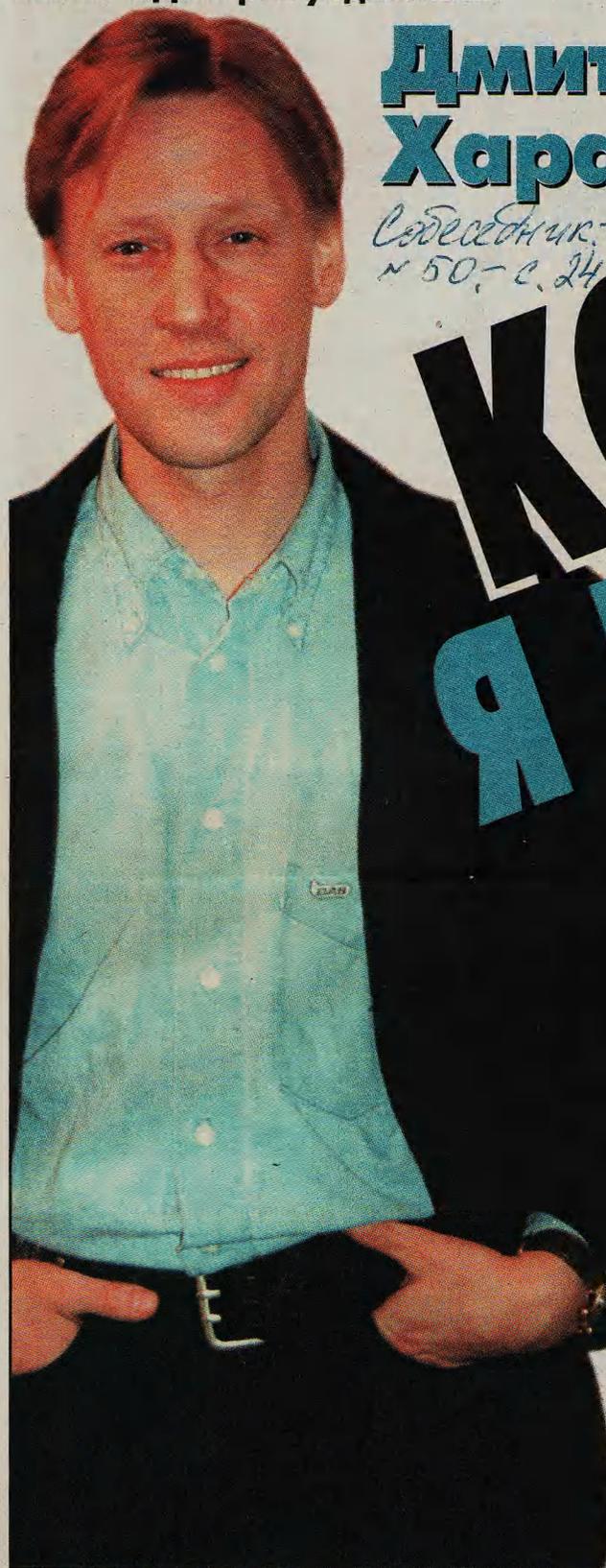
— По самоощущению я не актер. Я такой же актер, как все люди. В любом человеке заложены актерские данные. — Не всякий, правда, зарабатывает актерской профессией себе на жизнь.

— Что сказать? Меня выбрала судьба. Вот возьми название моего первого фильма — «Розыгрыш». Кого разыграли? Судьба разыграла со мной первый ход? А может,

Дмитрий Харатьян:

Собеседник - 1997 -
№ 50 - с. 24

КОНЕЧНО, Я НЕ ИМПОТЕНТ!

гунов, Шевельков — на первых местах, обгоняя всех мастей... Профессионалы недоумевали.

— Я давно понял: чем артист более популярен, тем меньше его ценят в профессиональном кругу. Такие есть, но их единицы. Скажем, Олег Меньшиков. Что я сейчас скажу, конечно, крамола: вкус публики всегда ниже высокого элитарного вкуса. И поэтому вкус народа диктует спрос на того или иного героя.

— А в последние годы тебе часто предлагают сниматься?

— Да нет: предложений за два-три прошедших года — кот наплакал. Как только меня сделали культовой персоной на страницах прессы — с 1993-го для режиссеров я закрытый человек, на мне висит ярлык, что я вроде бы уже полностью использован

Вообще, меня всегда тянуло в театр. Думал: рано или поздно попробую себя на сцене. И время пришло. Когда я понял, какие неограниченные возможности дает актеру театр... Там есть процесс, поиск, познание, возможность роста, чего нет для меня в кино. Кино — режиссерская штука. Театр — источник, родник, кино — шанс реализовать накопленное. И потом был период, когда я абсолютно иссяк: у меня не было источников энергии, стимулов — материальные не в счет. Период безвременья, депрессии. Тут — предложение Жигунова. Сколько бы я ни отрешивался, все равно согласился играть в «Королеве Марго». Надеюсь: «А вдруг? авось? а может, будет прорыв?» Никакого прорыва, ничего не случилось. Чудес не бывает. А ты спрашиваешь, почему я играл не хотя. Откуда взять энергию? Из воздуха, что ли?

— «Королева» наделала немало шума. Газеты писали, что на съемках фильма окончательно разругались два друга-гардемарины.

— Мои представления о дружбе вовсе не напоминали то, что связывало меня с Сергеем Жигуновым. Сережа — сложный человек. Я долго взвешивал все за и против в его характере, пока окончательно не понял, что дальнейшее общение может необратимо изменить меня самого.

до позже...

— А как же дочь-то!

— В период самого ажиотажа — в 1989 году — я развелся с женой. Пока она устраивала свою личную жизнь, я больше времени — на концертах, на съемках — проводил с дочерью, появлялся везде с ребенком. Сейчас Саше 14 лет, и она живет с матерью. У нас хорошие отношения.

Я грубый, жестокий, невоспитанный человек

— А когда ты встретил Марину Майко — твою вторую жену!

— Тогда же, в 1989-м.

— Чего ж вы так поздно поженились — только через семь лет!

— Мы долго присматривались друг к другу, притирались.

— Как она выдержала натиск всех твоих поклонниц? Ты ведь и сам небось не всегда выдерживал!

— Выдержала. Хотя я человек очень сдержанный, но какой-нибудь незнакомке могу такое сказать, что она после этого общаться со мною не будет. К тому же я по натуре не «ходок». Конечно, я не импотент! Но по природе моногамен. Поначалу трудно Марине пришлось. С другой стороны, когда вокруг много женщин, всегда выбираешь одну — лучшую. Я и выбрал.

— Обо всем ты говоришь как-то несерьезно, с улыбкой, что меня ностраживает.

— Нельзя серьезничать! Такое грузило. Если я сажусь над какой-то проблемой, то

это просто розыгрыш, насмешка.

Финал все покажет.

— Все же бедная твоя жена! Как же она живет с таким ранимым, сомневающимся человеком-экспериментатором!

— Очень сложно живет. В доме я жестокий, грубый, подчас невоспитанный человек, непримиримый и нетерпимый.

— К чему же!

— К беспорядку, нечистоплотности, ко многим неправильным проявлениям образа жизни...

— Эх ты, ведь Марина пережила с тобой не один твой кризис!

— Да и я с ней пережил немало!

— Много настрадалась...

— Думаю, немало. Страдание красит, очищает человека, делая его лучше.

— Ты уж поумерь пыл.

— Естественно, в марте ведь у нас пополнение в семействе ожидается.

— Значит, какую-то память ты после себя оставишь. Вот я недавно шел по «Мосфильму»: народу — никого, и вдруг кучка девочек-подростков, окруживших Харатьяна. Я еще подумал: ведь помнят еще!

— Ты чего — совсем?! Телевизор не смотришь? «Гардемарины», «Гардемарины». 10 раз в год «Гардемарины». А картины Гайдая раз в две-три недели. Меня не дает забыть телевидение. Кстати, а девочки сказали, что вовсе не ко мне пришли, а к «Иванушкам Интернешнл». Я им просто по дороге попался.

— Скажи, а без телевидения тебя бы забыли!

— Конечно. Публика быстро забывает своих героев.

Игорь ГАВРИКОВ,
Наталья ЛОГИНОВА (фото).